

УДК 82-193.1:1=511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2023-13-4-743-752

Отражение национальной языковой картины мира в мордовских загадках

Н. Г. Юрина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
makarova-ng@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В данной работе рассматривается отражение языковой картины мира мордовского народа сквозь призму национальных загадок. На материале мокшанских и эрзянских загадок о природе, человеке, времени изучаются способы художественной номинации объектов и явлений, отражающие особенности национального мышления и восприятия окружающего мира.

Цель: выявить формы языкового отражения национальной картины мира в мордовских загадках, проанализировав особенности структуры их образности, частотность способов художественной номинации загадываемого объекта (явления), указывающих на специфику мышления народа.

Материалы исследования: мокшанские и эрзянские загадки о природе, человеке, времени, опубликованные в «Систематическом своде мордовских загадок».

Результаты и научная новизна. Новизна работы обоснована тем, что впервые в рамках лингвокультурологического исследования мордовская загадка становится материалом для воссоздания и анализа национальной языковой картины мира. В результате исследования установлено, что наиболее частотной формой образности в мордовских загадках является замена (метафоризация), а предметами замещения, как правило, становятся объекты из повседневной жизни человека. Чуть реже встречаются загадки, в которых даются указания на качества и свойства объекта, его внешний вид, действия. Это свидетельствует о склонности народа поэтизировать обыденную жизнь, а также об образности мышления мордвы, стремлении представить мысль максимально выразительно, эмоционально, о равноценности для представителя национального сообщества действия и качества предмета при его идентификации, о предпочтении визуального восприятия перед слуховым. Этнокультурный компонент особенно ярко присутствует в мордовских загадках с неясной метафорой, неожиданной ассоциативностью, с недостаточностью признаков загаданного объекта, с присутствием онима, с двойной отгадкой или, наоборот, с одинарной отгадкой при двойной номинации.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира мордвы, мордовская загадка, способы художественной номинации предмета

Для цитирования: Юрина Н. Г. Отражение национальной языковой картины мира в мордовских загадках // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 4 (55). С. 743–752.

Reflection of the national linguistic picture of the world in Mordovian riddles

N. G. Yurina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
makarova-ng@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: this work examines the reflection of the linguistic picture of the world of the Mordovian people through the prism of national riddles. Based on the material of the Moksha and Erzya riddles about nature, man, and time, the methods of artistic nomination of objects and phenomena reflecting the peculiarities of national thinking and perception of the surrounding world are studied.

Objective: to identify the forms of linguistic reflection of the national picture of the world in Mordovian riddles by analyzing the features of the structure of their imagery, the frequency of methods of artistic nomination of the object (phenomenon) being guessed, indicating the specifics of the people's thinking.

Research materials: Moksha and Erzya riddles about nature, man, and time, published in the "Systematic Collection of Mordovian Riddles".

Results and novelty of the research: the novelty of the work is justified by the fact that for the first time in the framework of linguistic and cultural research, a Mordovian riddle becomes a material for reconstruction and analysis of the national linguistic picture of the world. As a result of the study, it was found that the most frequent form of imagery in

Mordovian riddles is substitution (metaphorization), and objects from everyday human life, as a rule, become objects of substitution. A little less common are riddles that give indications of the qualities and properties of an object, its appearance, and actions. This indicates the tendency of the people to poetize everyday life, as well as the imagery of the Mordovian people's thinking; about the desire to present a thought as expressively and emotionally as possible; about the equivalence of the action and quality of the object for a representative of the national community in its identification; about the preference for visual perception over auditory. The ethno-cultural component is especially vividly present in Mordovian riddles with an unclear metaphor, unexpected associativity, with insufficient signs of an object of a riddle, with the presence of an onym, with a double solving the riddle or, conversely, with a single solving in a double nomination.

Key words: linguoculturology, linguistic picture of the world of the Mordovian peoples, Mordovian riddle, imagery of Mordovian riddle, methods of artistic nomination of a subject

For citation: Yurina N. G. Reflection of the national linguistic picture of the world in Mordovian riddles // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (4/55): 743–752.

Введение

Загадка – уникальный жанр фольклора, который, несмотря на лаконичность языкового выражения и повторяемость структуры, имеет особую ценность: она тесно связана с культурой народа, с его коллективным архаичным сознанием и способна отражать национальную картину мира. Будучи основанной на вторичной номинации объекта, она указывает на связи между предметами в сознании носителя языка, соотношение или противопоставление явлений. Вместе с тем загадка демонстрирует своеобразие национального мышления, распространенные в данном языковом сообществе схемы оформления высказывания, способы номинации. Как текст иносказательной, аллегорической природы загадка предполагает ответ на вопрос путем определенных логических операций, связанных с соотношением названных предметов (явлений) с загаданным объектом, учитывая способы формирования образа в национальной лингвокультуре, выстраивание определенных соответствий между предметами внешнего мира и выбор того соотношения, которое является самым точным с точки зрения национального сознания. Узнавание семантического аналога по метафорическому эквиваленту приобщает к культуре народа, формирует основы восприятия мира под особым углом, закрепляет национальную ассоциативность. Можно утверждать, что изучение загадок углубляет «представления о культурно-исторических реалиях носителей языка, особенностях поведения, традициях, национальной образности» [15, 227]. О. А. Корнилов справедливо полагает, что решающими факторами при формировании языковой картины мира (ЯКМ) народа становятся географическая среда и особенности (сенсорно-рецептивные, логико-понятийные,

эмоционально-оценочные и ценностно-нравственные) коллективного сознания: «Внешний мир и сознание – вот два фактора, которые порождают ЯКМ любого национального языка» [6, 144].

Таким образом, изучение фольклорных загадок имеет теоретическую и практическую значимость: через такого рода тексты отражаются знания народа о различных компонентах мира, степени их значимости и взаимосвязанности, передаётся коллективная философия носителей языка, способ оформления мысли и формируется тип отношения к окружающей действительности, позиционирования себя в обществе, этические нормы.

В современной мировой науке загадка как текст, отражающий мировидение народа, характер создания образности в коллективном сознании, исследуется достаточно активно. В этой связи можно назвать, например, работы В. Г. Сибирцевой [9], А. А. Солдаевой [10], М. Л. Ковшовой и О. С. Орловой [5], Е. В. Николаевой и А. И. Савельевой [8], Дж. М. Ишенгома [18], Т. Лучечко [19], Т. К. Фама [20], К. Л. Хазанавой [13] и др. Однако мордовская загадка в указанном аспекте изучена недостаточно, хотя постепенная реконструкция национальной языковой картины мира на соответствующем материале уже началась. Современные учёные констатируют национальные реалии, отразившиеся в мордовских загадках, изучают встречающиеся в них мифометафорические модели [2], характеризуют отдельные концепты [14], рассматривают мордовскую загадку как дидактический материал при обучении русскому языку как иностранному [16, 22]. Понятно, что это процесс длительный, требующий постоянных усилий многих учёных.

Основные задачи статьи – рассмотреть особенности структуры национальной образности

в мордовских загадках о природе, человеке, времени¹, проанализировать частотность способов художественной номинации загадываемого объекта как отражений специфики мышления народа. Научное значение работы обосновано введением в сферу научных лингвокультурологических исследований нескольких тематических групп мордовской загадки, отражающих особенности национального мышления и мировидения. Практическое значение связано с возможностью использования её полученных результатов в практике преподавания лингвокультурологии и русского языка как иностранного в краеведческом ракурсе.

Материалы и методы

Материалом исследования являются мокшанские и эрзянские загадки о природе, человеке, времени с переводом на русский язык из «Систематического свода мордовских загадок», который составлен К. Т. Самородовым на основе печатных изданий XIX–XX вв. и различных рукописных источников. Выбор тематики текстов был обусловлен тем, что представление о внешнем пространстве (явлениях природы, растительном и животном мире) и времени, а также о человеке и его теле отражается, очевидно, в самых древних загадках, дающих понимание особенностей архаического сознания народа. Это базовые понятия, которые определяют национальное сознание, лежат в основе жизненного опыта нации. В. Н. Топоров считал, что загадка призвана сохранить в памяти этноса информацию о праисточках, чтобы возвратиться к ним в случае надобности: она помогает человеку «установить правильное отношение между собою и миром, найти свое место в нём, преодолеть диссоциацию сознания... то есть собрать себя в целое» [11, 28]. Такого рода тексты отражают границу между внешним и внутренним мирами, формируют черты оппозиции «я – другой», ключевой для понимания пространственных отношений национального сообщества.

Методом сплошной выборки мы выделили 440 мордовских загадок о природе, человеке, времени и проанализировали их структуру

с точки зрения принципов создания образности. В работе использовались статистический и структурно-семантический методы, метод компонентного анализа.

Результаты

При отборе материала для анализа мы сознательно стремились использовать в том числе мордовские протозагадки (загадки архаического типа). Как отмечают Е. Г. Андреева и И. Л. Кукша [1, 152], к такому типу относятся загадки идентифицирующего характера, с указательными местоимениями или глаголом *быть* (*есть*). Подобных загадок сохранилось довольно много в мордовском фольклоре: мокш. «*Монь ули шуфтозе, / Маренза шляпа мархтот*» ‘У меня есть дерево, / Яблоки его в шляпах’ (*церьятне* / желуди) [12, 48] и др. К протозагадкам относятся также тексты-вопросы с национальными мифологемами: мокш. «*Плетьеньбачка юрхтаваня явси*» ‘Через плетень слышится плач богини двора’ (*вармась* / ветер) [12, 28]; мокш. «*Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Равань стирсь тандады (эводи)*» ‘Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Равы испугается’ (Рав – река Волга) (*атямсь, ёндолсь* / гром, молния) [12, 33]. К архаическим относятся и загадки, включающие элементы народных обрядов: мокш. «*Монь ули аказе, / Жифнень явсесыне, / Кулотнень аф*» ‘У меня есть тётушка, / Живых оплакивает, / Мёртвых нет’ (*сяськне* / комары) [12, 56] (обряд оплакивания умерших). Наконец, архаичную природу имеют загадки с антропоцентрическими формулами и формулами родства: мокш. «*Атясь сери, / Бабась кели, / Стирьсна сокор, / Цёрасна пяляз*» ‘Старик высокий, / Старуха широкая, / Дочь их слепая, / Сын их сумасшедший’ (*менельсь, мастрось, шобдась, даволсь* / небо, земля, ночь, буря) [12, 30] и др.

С тематической точки зрения в мордовском фольклоре преобладают загадки о явлениях природы, которые имели практическое значение для народа, занимающегося земледелием, пчеловодством, рыбным промыслом, охотой, – о ветре, дожде, снеге, тумане, буре, граде. Из космических (речь о солнце, звездах и т. д.)

¹ Автор рассматривает мокшанские и эрзянские загадки как составные части единого фольклора мордовского народа и в рамках данной работы не ставит задачи их сопоставительного анализа.

и земных реалий в мордовской загадке частотны образы солнца, луны, звезд, земли, воды, огня. Загадки о явлениях природы в мордовском фольклоре, судя по анализируемым текстам, составляют самую многочисленную группу: 218 ед., 49,5 % от общего числа отобранных. Это указывает на то, что мордва всегда была очень внимательна к состоянию окружающего мира. Она была склонна умалять значение человека как самостоятельного существа (только 34 загадки (7,7 %) посвящены человеку как биологическому субъекту и строению его тела) и ставить его в прямую зависимость от различных явлений природы, несмотря на интеллект, возвышающий человека среди живых существ: «*Кие светсэнть сехте превей?*» «Кто на свете всех умней?» (*ломанесь / человек*) [12, 227] (эрзянская). Количество загадок данной тематической группы свидетельствует также об особенностях религиозных верований народа: мордва обожествляла различные стихии (отсюда – присутствие богинь воды, леса, земли и т. д. в национальной мифологии [4, 115–117, 123–125, 190–191]).

Небольшая часть анализируемых загадок (20 ед., 4,5 %) связана с временными обозначениями. Показательно, что время в сознании мордвы воспринималось как нечто исчисляемое, членимое, упорядоченное, цикличное: эрз. «*Кото эскелькст эскельди, / Мекев секе таркантень сы*» «Шесть шагов шагнет, / Обрато на то же место придет» (*недлесь / неделя*) [12, 217]. Самый частотный образ, соотносимый с годом, – дерево, дуб: мокш. «*Монь ули коське шуфтозе, / Ведьгемонь кафтува тарадса, / Эрь тарадса сисем лопат*» «У меня есть сухое дерево, / На нём пятьдесят две ветви, / На каждой ветке семь листьев» (*кизоть шинза и недялянза / дни и недели года*) [12, 37]. Более редкий вариант ассоциативности связан с птицами: 365 скворцов и одно яйцо (о днях и годе). Одинаковые временные отрезки воспринимались в коллективном сознании как «семеро товарищей» (дни недели), «двенадцать братьев», бегущих друг за другом (месяцы), «двенадцать орлов» (месяцы), «пятьдесят две галки» (недели в году), 365 воробьев (дни). Обратим внимание, что часто подчеркивалась быстротечность времени: не случайны ассоциации с бегущим человеком, летящими птицами. При изображении дня и ночи в мордовских загадках одновременно

отмечались их контрастность и связь: мокш. «*Мон сембонь сокоргофтсайне, / Аказе сембонь пчкафтсыне*» «Я всех ослепляю, / Тётушка всех вылечивает» (*шись и весь / день и ночь*) [12, 39]. То же самое наблюдается и в отношении разных сезонов: лето и зима представлены как «две хозяйки», покрывающие стол зелёной и белой скатертями, как «чёрная старуха и белый дед» с многочисленными детками (дни). «Четыре брата» с разными качествами («красивый», «злой», «сытый», «голодный») или по-разному одетых олицетворяют четыре сезона.

Тематические группы «Растения» и «Животные» (83 и 78, 18,9 % и 17,7 %) представлены в мордовских загадках примерно в равном количестве. Примечательно, что в первой из них преобладают загадки, входящие в подгруппу «Садово-огородные культуры» (50 шт.). Загадки о лесных и луговых растениях присутствуют в меньшем объёме (соответственно 26 и 7). Это свидетельствует о значимости для народа сельскохозяйственной деятельности, а также о том, что мордва – охотники и собиратели, жители лесов, в которых можно было существовать только при развитой наблюдательности. В тематической группе «Животные» в качестве загадываемого объекта встречаются как домашние, так и дикие животные: 35 и 43 соответственно: эрз. «*Мезеяк а сэреди, / Сонсь кувси*» «Ничем не болеет, / А стонет» (*тувось / свинья*) [12, 169]; эрз. «*А кал, а нармунь, / Сонсь ведьга уйни*» «Не рыба, не птица, / А по воде плавает» (*гусь / змея*) [12, 165]; эрз. «*Соки мазы цёра, / Соказо ловажань, / Модазо чувтонь*» «Пашет парень-красавец, / Соха костяная, / Земля деревянная» (*шекитась / дятел*) [12, 166].

Собранный материал был разделён на отдельные подгруппы в соответствии с классификацией методов создания образности в загадках, предложенной В. В. Митрофановой: 1) замещение (подстановка); 2) выявление свойств и качеств объекта; 3) отрицание свойств и качеств объекта; 4) выявление внешнего вида объекта; 5) выявление функций объекта через его действия; 6) имитация звуковых образов, или звукоподражание [7, 104–113].

Самая большая группа мордовских загадок о природе, человеке и времени – загадки, в основе которых лежит замещение, метафора-

существительное (146; 33,2 %): мокш. «*Латальс оцю, а столбанза аш*» ‘Крыша большая, а без столбов’ (*менельсь / небо*) [12, 20] и др. Это свидетельствует, с одной стороны, об образности коллективного мышления мордвы, с другой – о стремлении к системности, упорядоченности знания, о потребности воспринимать реалии мира в их соотносённости с другими явлениями. Как правило, предметами замещения в мордовской загадке становятся реалии окружающей человека действительности. Обращает на себя внимание и многовариантность метафор, сравниваемых в сознании мордовского народа с одним и тем же объектом. Так, небо ассоциируется в национальной загадке не только с крышей, но и с водой, полем, синим озером, синей подушкой, железным полом. Луна – с серебряным серпом, караваем хлеба, белым калачом, сивой лошастью, сивым жеребёнком, серебряным конём, серебряным пирогом, коровьим рогом, серебряной подковой, серебряной тарелкой, серебряным серпом, рогатым пастухом, диким гусем. Сходство двух объектов обосновывается местом расположения, их структурой, весом, размером, внешним сходством, функционалом и т. д.

Ещё одна особенность мордовских загадок, основанных на замещении, – большое количество развернутых метафор, художественное расширение образа: мокш. «*Монь ули акша палязе, / Менельсь шафтозе; / Лямбось малады, / Палязевок калады*» ‘У меня есть белая рубашка, / Небо её надело; / Тепло приближается, / И рубашка изнашивается’ (*ловсь / снег*) [12, 43]. В мордовской загадке часто происходит персонификация предметов, приписывание им свойств живого, текст выстраивается на олицетворении: мокш. «*Вете братт ветенест / Лямбе кудса эрайхть*» ‘Пять братьев / В тёплой избушке живут’ (*кядсь и варягатне / рука и варежки*) [12, 75]. Структурно метафоризация часто оформляется при помощи я-олицетворения: выстраивается фраза от первого лица, что может свидетельствовать о подчеркивании важности субъекта в процессе освоения мира, значимости знания не самого по себе, а в соотносённости с человеком: мокш. «*Монь ули утомозе, / Колмогемонь кафтува панжемаса пяктаф*» ‘У меня есть амбарчик, / 32 ключами заперт’ (*кургсь и пейхне / рот и зубы*) [12, 73].

Устойчивая национальная ассоциативность закрепляется в загадках о разных объектах. Так, образ поля соотносится в мордовских загадках о разных реалиях с небом: мокш. «*Пакся кучкаса / Вай сякяня лакай*» ‘В середине поля / Горшок с маслом кипит’ (*шись / солнце*) [12, 21]; мокш. «*Кели паксяса сюрю постуф, / Аф лувомика стадац*» ‘В поле рогатый пастух, / Стадо (его) неисчислимо’ (*тяшттне и ковсь / звезды и луна*) [12, 20]. Вместе с тем встречаются загадки, где один и тот же образ связывается с разными предметами внешнего мира, что затрудняет процесс отгадывания, но позволяет акцентировать на сходных чертах нескольких объектов и одновременно разграничивать их по определённым качествам: мокш. «*Стирня-якстерня менельге якай. / Кинц аф кадондсы*» ‘Красная девушка по небу ходит, / Дорогу свою не меняю’ (*шись / солнце*) [12, 22] и эрз. «*Монь ули тейтерем, / Сизьгемень одежа лангсонзо*» ‘У меня есть девушка, / На ней 70 платьев»’ (*саразось / курица*) [12, 166]; мокш. «*Вирть вельхкса якстерь шальвай*» ‘Над лесом красная шаль’ (*зарясь / заря*) [12, 26] и мокш. «*Вирь кучкаса якстерь шаль*» ‘Посреди леса красная шаль’ (*инезись / малина*) [12, 52].

Некоторые учёные противопоставляют метафоричность поэтического текста фольклорному как более свободную. Так, Е. А. Алиева пишет: «Метафора загадки отличается от метафоры поэтического или стандартного языка, поскольку у загадок нет свободы поэтического языка» [17, 60]). Однако на примере мордовских загадок можно утверждать, что такие тексты чрезвычайно богаты с точки зрения переносов значений. В них встречаются гиперболы (мокш. «*Монь ули парнозе, / Сембе масторть арнезе*» ‘У меня есть конь, / Всю землю объездил’ (*вармась / ветер*) [12, 29]), перифразы (мокш. «– *Кичкорня-муворня, ков молят? / – Нараф пря, тонь мезе тевце?»* ‘– Зигзагиня, куда идёшь? / – Стриженная голова, какое твоё дело?’ (*ляйсь и лугась / река и луг*) [12, 45]), сравнения (эрз. «*Сисем оймензэ, / Фонарть сельмензэ*» ‘Семь душ у неё, / Глаза как фонари’ (*каткась (псакась) / кошка*) [12, 168]). С точки зрения структуры мордовские загадки выстраиваются чаще как простое или сложное утвердительное предложение, но могут иметь и диалоговую форму: мокш. – *Ялгай, моляхть ширезон, / – Молелень, ялгай,*

/ *Да кандть вельф аф ётаван*» – Товарищ, приходи ко мне. / – Пришёл бы, товарищ, / Да бревно мешает, не пройду’ (*сельмотне и шалхксъ* / глаза и нос) [12, 73]. Богатство языковых средств выразительности в мордовской загадке – свидетельство высокой эмоциональности национальной речи, стремления народа к свободному изъявлению оттенков чувств, что свойственно, по замечанию А. Вежбицкой, также и для русского языка [3, 331–332].

Примерно в равном соотношении среди отобранных загадок представлены тексты, где образность выстраивается на основе описания качеств предмета, его функций или их отрицании. 63 загадки (14,3 %) из числа анализируемых основаны на описании качеств и свойств предмета: эрз. «*Сон весемеде куя, / Сон весемеде стака*» ‘Она жирнее всего, / Она тяжелее всего’ (*масторось* / земля) [12, 156]. Чуть в меньшей степени присутствуют в мордовском фольклоре загадки, в которых образность выстраивается на основе отрицания свойств и качеств предмета, действий, которые загаданный объект не может совершать (47 шт., 10,7 %): мокш. «*Кялец ули, кургоц аш; / Прокс ярхцай, пейнза аш*» ‘Язык имеет, рта нет; / Всегда ест, зубов нет’ (*толсь* / огонь) [12, 34]; мокш. «*Пацянза улихть – аф лиеви, / Пильгонза аш – аф сатови*» ‘Крылья есть – не летает, / Ног нет, да не догонишь’ (*калхне* / рыба) [12, 58].

Примерно в 10 % (44 шт.) рассматриваемых мордовских загадок образность выстраивается на основе описания внешних характеристик загадываемого предмета: мокш. «*Сакал мархта скалня, / Эсонза кржа палня*» ‘Бородатый телёнок, / В нём мало мяса’ (*казась* / коза) [12, 71] и др. Большое количество текстов подобного рода свидетельствует о том, что для мордвы визуальный образ очень важен. Особенно часто встречаются загадки, которые указывает на цвет предмета. Цветовая гамма, отражённая в текстах загадок, достаточно разнообразна. Преобладают яркие, чистые цвета: мокш. «*Акша локсти / Пакся кучкаса лоткси*» ‘Белая лебедь / В середине поля появляется’ (*шисъ* / солнце) [12, 21]; эрз. «*Кежей атя модасо, / Оришазь тюжа шубасо. / Кие сень таргасы – / Сельведензэ невертьсы*» ‘В земле сидит дед, / В жёлтую шубу одет; / Кто его вынимает, / Тот слёзы проливает» (*чурька прясъ* / луковица) [12, 190] и др.

Цвета смешанного характера встречаются гораздо реже: мокш. «*Вяри куцян шаржуста, / Алу валган ведлиста (ведькиса)*» ‘На небо подымусь седым, / Вниз опускаюсь чёрно-водянистым’ (*пиземсь* / дождь) [12, 31].

Выстраивание образности при помощи прямого описания функций предмета представлено в мордовской загадке в меньшей степени: найдено всего 7 таких загадок (1,6 %). Например: мокш. «*Алу-вяри крняфнихть, / Карунят юмафнихть*» ‘Вверх и вниз летают, / Мух уничтожают’ (*пзьгатась* / ласточка) [12, 61]. В основном описываются действия загаданного объекта (43 шт., 9,8 %): мокш. «*Илять мады масторть лангс, / А шобдава сон тага лийкстай*» ‘Вечером на землю ложится, / А утром улетает’ (*туманць* / туман) [12, 46]; мокш. «*Нильгемонь недялят ащи пяктафста, / Кафта кизот эряй повфтафста*» ‘Сорок недель сидит запертым, / Два года живёт в люльке’ (*ломанць* / человек) [12, 71].

Особой разновидностью, на наш взгляд, следует считать мордовские загадки, в которых загаданный объект представлен через взаимоотношения с другими реалиями мира: обычно описывается реакция на него человека, реже – природных реалий: мокш. «*Кизонда мон эздонза кяшендян, / Тялонда мон эсонза вешендян*» ‘Летом я от него прячусь, / Зимой я его ищу’ (*шисъ* / солнце) [12, 22]; мокш. «*Шисъ шачфтсыне, / Шисъ аварьфтьсыне, / Шисъ кулофтсыне*» ‘Солнце их порождает, / Солнце их обижает, / Солнце их уничтожает’ (*эйнь сюротне* / сосульки) [12, 44]. Обратим внимание на тот факт, что связь между предметами / явлениями в мордовских загадках очень часто выстраивается на основе разного рода родственных отношений: мокш. «*Акат-сазорхт кафонест, / Фкясь кшти, / Омбоцесь аварди*» ‘Брат с сестрой вдвоём, / Один пляшет, / Другая плачет’ (*толсь и лакай ведсь* / огонь и кипящая вода) [12, 35]; мокш. «*Мон сембонь сокоргофтсайне, / Аказе сембонь пчкафтсыне*» ‘Я всех ослепляю, / Тетушка всех вылечивает’ (*шисъ и весъ* / день и ночь) [12, 39]. Это свидетельствует, с одной стороны, о значимости для мордвы института семьи, с другой – о склонности народа воспринимать мир в системе взаимодействий и связей различных предметов действительности. Ту же самую особенность сознания мордвы демонстрирует

присутствие большого количества загадок с двойной, тройной и даже четверной отгадкой: «огонь и дым»; «тучи, дождь, гроза»; «ветер, дождь, молния, гром» и др.

Звуковой образ практически не присутствует в мордовских загадках в чистом виде (4 шт.; 0,9 %). Была обнаружена всего одна такая загадка: мокш. «*Сият-потят, коряняят, / Тиш-лаш – мезевок аш*» 'Серебряные сосочки, / Тиш-лаш (стукнешь) – ничего не останется' (эйнь сюротне / сосульки) [12, 43]. Найдены также загадки, в которых звук передаётся неточно, имеет общий характер: эрз. «*Ведьга моли – а булькаи, / Чейга юты – а кашторды*» 'По воде идёт – не булькает, / По болоту идёт – не шуршит' (сулеесь / тень) [12, 155] и др. Немногочисленность мордовских загадок с таким способом построения образности доказывает, что при идентификации предмета звуковая характеристика для представителей народа менее важна, чем визуальная.

Значительная по количеству группа загадок представляет собой смешанный тип. В таких текстах сочетается два–три способа описания предмета. По количественному параметру загадки этого рода составляют примерно пятую часть от общего объёма анализируемых (86 шт.; 19,5 %). Это указывает на стремление народа к разностороннему представлению предмета в совокупности его качеств, внешнего вида и разного рода связей с другими предметами мира. Важно, что чаще всего в таких текстах встречается сочетание замещения предмета метафорой (57 шт.) с указанием на его внешний вид (самый распространённый вариант – 33 шт., 7,5 % от общего числа).

Имена собственные в мордовских загадках зачастую имеют номинативное значение и используются для персонификации явлений природы, предметов: «Красивая Матрёна» – солнце, село Сосновка, которое не платит налог зиме, – хвойный лес, «дед Антон», стоящий под деревом на одной ноге, – гриб, «Васька у плетня», которого нельзя тронуть, – крапива, «низенькая Акулина», одетая в сорок рубашек, – капуста, «дед Осип», который все время месит, – рот, Окта с уздой в руке, ищущий табун, – овод, «старик Ногай», ждущий девичье стадо, – волк и овцы. Часть таких имен собственных имеет символическое значение, другая выступает в роли окказионализма, связанного с фольклорной традицией.

В загадках разных народов можно обнаружить полные и частичные аналоги (концепт представлен схожими средствами), полные и частичные эквиваленты (совпадения по значению, компонентам, образности, грамматической структуре с незначительными расхождениями) и безэквивалентные загадки (например, построенные на игре слов). Безэквивалентными для иноязычной аудитории могут оказаться следующие мордовские загадки: 1) с неясной метафорой (мокш. «*Панда прясса ломань прят*» 'На горе человеческие головы' (кефне / камни) [12, 46]); 2) с неожиданной ассоциативностью, связанной в том числе с родовым несоответствием (мокш. «*Вирьса и садса / Якстерь сивольхть шуфта прясса, / Да ярхцамс таньфсна рясса*» 'В лесу и в саду / Красные куски мяса на дереве, / Да есть их невкусно' (низелхне / рябина) [12, 50]); 3) с недостаточностью признаков загаданного объекта (эрз. «*Плетень варява / Эйкакшке ваны*» 'Через плетень / Ребёнок смотрит' (валдось / свет) [12, 155]); 4) с присутствием онима (мокш. «*Каназоронь стиренц / Катя няезе, / Матя сязозе*» 'Дочь Каназора / Катя увидела, / Матя скрыла (обидела)' (эйсь / лед) [12, 43]); 5) с двойной отгадкой или с одинарной при двойной номинации (мокш. «*Сон сембода оцюсь и козясь, / Кда беднайсь аф андсы – кулы*» 'Оно самое большое и богатое, / Если бедный не накормит – умрёт' (морясь и ляйсь / море и река) [12, 45]).

В национальной картине мира всегда важно самовосприятие этноса и восприятие других народов. Мордовские загадки о природе, человеке, времени содержат этнические категории. Так, встречается образ «эрзянской девушки-красавицы», то умирающей, то воскресающей, который соотносится с огнём. В национальных загадках о природе и человеке упоминаются прежде всего соседи мордвы – русские и татары. Русские представлены, например, в загадках о грибе («В середине леса / Под зонтом русские сидят»), о раке (русский, который живёт в костяной избушке, «всегда под замком»). Татары – в тех же загадках о грибе («...татарин – / Под красной шляпкой»). Выражение «говорит, как татарин» встречается в загадке о гусе. «Татарочка», сидящая на подоконнике, – кошка. «Татарочка Кулина», которая пугается, когда её наряжают, а радуется, когда раздевают, – лошадь.

Все эти загадки свидетельствуют о том, что границы между народами-соседями не воспринимаются мордвой как резко обозначенные. Взаимозаменяемая образность, связанная с соседними народами, указывает на то, что «инаковость» фиксировалась и отражалась в фольклоре, но не сопровождалась негативной оценкой, отторжением. Так, курицы в мордовских загадках ассоциируются и с «татарским базаром», и с плачущими эрзянками, и с переворачивающими навоз русскими женщинами («Тридцать русских женщин / На дворе навоз переворачивают» [12, 63]).

Обсуждение и заключение

Итак, загадка отражает фрагменты картины мира народа, обоснованной географическими и бытовыми особенностями, коллективным сознанием, и позволяет судить о национальном характере, способах познания мира, нравственных ценностях этноса, специфике его мышления.

Тематический анализ мордовских загадок о природе, человеке и времени показал осязаемое преобладание первой группы (почти 50 %), что подтверждает пристальное внимание народа к природным явлениям. Время воспринимается мордвой как нечто исчисляемое, упорядоченное, членимое. Одинаковые временные отрезки воссоздаются в коллективном творчестве одновременно путём подчёркивания их общности и контрастности.

Мордовские загадки, основанные на метафоре, представляют самую многочисленную группу по способу создания образности. Это обстоятельство, а также большое количество мордовских загадок с двойной / тройной отгадкой свидетельствует о художественности мышления этноса, который в своём фольклоре был склонен представлять предметы и явления природного мира, человека, время через метафорическую аналогию, воспроизводить связи между реалиями мира, рассматривать предметы в их совокупности, соотносённости.

Этноспецифичный характер мордовской загадки проявляется в ключевой для таких текстов тематике (природные явления, садово-огородные растения, дикие животные и др.), в особенностях языковой репрезентации денотата (преобладают загадки на основе метафоры; речевое высказывание организуется как простое или сложное утвердительные предложения). Реже встречаются загадки с указанием на качества и свойства объекта, его внешний вид, действия. Это свидетельствует о стремлении народа представить мысль максимально выразительно, о равноценности для него действия и качеств предмета при его идентификации, о предпочтении визуального восприятия перед слуховым.

Очевидно, что представленный материал требует дальнейшего расширения и углубления.

Список источников и литературы

1. Андреева Е. Г., Кукша И. Л. Роль загадки в языковой картине мира (на материале русского и английского языков) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 3. С. 148–160.
2. Ваганова Е. Н., Шестёркина Н. В. Экспликация мифометафорических моделей в русских и мордовских загадках с отгадкой «Печь» // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 12–21.
3. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 331–388.
4. Девяткина Т. П. Мифология мордвы: энциклопедия. Саранск: [б. и.], 2006. 332 с.
5. Ковшова М. Л., Орлова О. С. К вопросу о семантической структуре загадки. Когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языковедение. 2020. Вып. 4. С. 70–79.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2011. 350 с.
7. Митрофанова В. В. Русские народные загадки. Ленинград: Наука, 1978. 180 с.
8. Николаева Е. В., Савельева А. И. Образ природы в русских и английских метафоричных загадках (сравнительный аспект) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. Филологические науки. 2021. № 2 (111). С. 116–123.
9. Сибирцева В. Г. Языковая картина мира в русской загадке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2003. 22 с.
10. Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 224 с.

11. Топоров В. Н. Из наблюдений над загадкой // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М.: Индрик, 1994. С. 10–117.
12. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 8 т. Саранск: Мордовское кн. изд., 1969. Т. 4 Мордовские загадки. 324 с.
13. Хазанова К. Л. Уласныя найменні ў беларускіх загадках // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2020. № 4 (121). С. 141–146.
14. Шестёркина Н. В., Ваганова Е. Н. Физические характеристики концепта Солнце / Чи: на материале русских и мордовских загадок // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: сб. науч. статей. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. С. 349–358.
15. Юрина Н. Г. Русская загадка как дидактическое средство на уроках РКИ // Русский язык в диалоге культур: материалы Всерос. научно-практ. конф. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. С. 219–227.
16. Юрина Н. Г. Краеведение Республики Мордовия в преподавании РКИ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2022. 120 с.
17. Aliyeva E. A. The riddles with metaphors // German International Journal of Modern Science. 2022. № 32. Pp. 59–61. DOI: 10.5281/zenodo.6560262.
18. Ishengoma J. M. African Oral Traditions: Riddles Among The Haya of Northwestern Tanzania // International Review of Education. 2005. Vol. 51. № 2. Pp. 139–153. DOI: 10.1007/s11159-005-1841-9.
19. Luchechko T. Attributive features of the moon in Ukrainian and English riddles from oral tradition // Slavia centralis. 2021. Vol. 14. № 1. Pp. 235–248.
20. Pham T. K. Collection and recognition of folk riddles of khmer culture in Vietnam // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 8–3 (110). С. 203–208. DOI: 10.23670/IRJ.2021.110.8.001.

References

1. Andreeva E. G., Kuksha I. L. *Rol' zagadki v yazykovoy kartine mira (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Role of a riddle in the linguistic picture of the world (on the material of the Russian and English languages)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2010, no. 11 (3), pp. 148–160. (In Russian)
2. Vaganova E. N., Shesterkina N. V. *Eksplikatsiya mifometaforicheskikh modeley v russkikh i mordovskikh zagadkakh s otgadkoy "Pech"* [Explication of myth-metaphorical models in Russian and Mordovian riddles with the answer "oven"]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2019, no. 2 (56), pp. 12–21. (In Russian)
3. Wierzbicka A. *Russkiy yazyk* [Russian language]. *Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty* [Wierzbicka A. Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011. Pp. 331–388. (In Russian)
4. Devyatkina T. P. *Mifologiya mordvy: entsiklopediya* [Mythology of the Mordovian peoples: encyclopedia]. Saransk: [w/p], 2006. 332 p. (In Russian)
5. Kovshova M. L., Orlova O. S. *K voprosu o semanticheskoy strukture zagadki. Kognitivnyy i kul'turologicheskiy kommentariy kak printsip issledovaniya* [To the question about semantic structure of a riddle. Cognitive and culturalogical comment as a principle of the research]. *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya: Istoriya. Yazykoznanie* [Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics], 2020, no. 4, pp. 70–79. (In Russian)
6. Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov* [Linguistic pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: KDU Publ., 2011. 350 p. (In Russian)
7. Mitrofanova V. V. *Russkie narodnye zagadki* [Russian folk riddles]. Leningrad: Nauka Publ., 1978. 180 p. (In Russian)
8. Nikolaeva E. V., Savelyeva A. I. *Obraz prirody v russkikh i angliyskikh metaforichnykh zagadkakh (sravnitel'nyy aspekt)* [Image of nature in Russian and English metaphorical riddles (comparative aspect)]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogi-cheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. Filologicheskie nauki* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. Philology], 2021, no. 2 (111), pp. 116–123. (In Russian)
9. Sibirtseva V. G. *Yazykovaya kartina mira v russkoy zagadke* [Linguistic picture of the world in a Russian riddle]. Nizhniy Novgorod, 2003. 22 p. (In Russian)
10. Soldaeva A. A. *Intertekstual'nost' russkoy traditsionnoy zagadki: lingvisticheskiy aspekt* [Intertextuality of a Russian traditional riddle: linguistic aspect]. Saint-Petersburg, 2018. 224 p. (In Russian)
11. Toporov V. N. *Iz nablyudeniy nad zagadkoy* [From observations over riddles]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: Zagadka kak tekst* [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: A riddle as a text]. Moscow: Indrik Publ., 1994. pp. 10–117. (In Russian)
12. *Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda* [Oral and poetic creativity of the Mordovian people]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1969. Vol. 4. 324 p. (In Russian)
13. Khazanava K. L. *Ulasnyya naymenni y belaruskikh zagadkakh* [Proper names in Belarusian riddles]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny* [News of Gomel State University named after F. Skaryna], 2020, no. (121), pp. 141–146. (In Belarusian)
14. Shesterkina N. V., Vaganova E. N. *Fizicheskie kharakteristiki kontsepta Solntse / Chi: na materiale russkikh i mordovskikh zagadok* [Physical characteristics of the concept Sun / Chi: based on Russian and Mordovian riddles].

Kontseptual'nye i semantiko-grammaticheskie issledovaniya [Conceptual and semantic-grammatical studies]. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN Publ., 2011. pp. 349–358. (In Russian)

15. Yurina N. G. *Russkaya zagadka kak didakticheskoe sredstvo na urokakh RKI* [Russian riddle as a didactic tool at the lessons of the Russian as a foreign language]. *Russkiy yazyk v dialoge kul'tur* [Russian language in the dialogue of cultures]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta Publ., 2017. pp. 219–227. (In Russian)

16. Yurina N. G. *Kraevedenie Respubliki Mordoviya v prepodavanii RKI* [Local history of the Republic of Mordovia in teaching the Russian as a foreign language]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta Publ., 2022. 120 p. (In Russian)

17. Alieva E. A. The riddles with metaphors. *German International Journal of Modern Science*, 2022, no. 32, pp. 59–61. DOI: 10.5281/zenodo.6560262. (In English)

18. Ishengoma J. M. African Oral Traditions: Riddles Among the Haya of Northwestern Tanzania. *International Review of Education*, 2005, no. 51 (2), pp. 139–153. DOI: 10.1007/s11159-005-1841-9. (In English)

19. Luचेchko T. Attributive features of the Moon in Ukrainian and English riddles from oral tradition. *Slavia centralis*, 2021, no. 14 (1), pp. 235–248. (In English)

20. Pham T. K. Collection and recognition of folk riddles of Khmer culture in Vietnam. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], 2021, no. 8–3 (110), pp. 203–208. DOI: 10.23670/IRJ.2021.110.8.001. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юрина Наталья Геннадьевна, профессор кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, доцент.

makarova-ng@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-8308-6334

ABOUT THE AUTHOR

Yurina Natalya Gennadyevna, Professor, Department of the Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya Str., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

makarova-ng@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0002-8308-6334